

ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: УЧАСТИЕ И КВОТИРОВАНИЕ

WOMEN IN PUBLIC POLICY: REPRESENTATION AND QUOTAS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119

Научная статья / Research article

«Хрупкое представительство», или Женщины в большой политике: случай административной элиты

Н.В. Колесник

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
✉ n.kolesnik@socinst.ru

Аннотация. В работе представлены результаты эмпирического исследования административной элиты десяти российских регионов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская и Новосибирская области, Хабаровский и Ставропольский край, Республика Дагестан). Анализ социально-демографических характеристик административной элиты показал, что существенных различий по возрасту, месту рождения, типу и месту полученного первого высшего образования (и последующего) между мужчинами и женщинами практически не наблюдается. Исследование карьерных траекторий женщин в министерской элите показало, что чаще всего они занимают элитные позиции, как и мужчины, в среднем возрасте, реже приходят из экономических и силовых структур, горизонтальные и вертикальные перемещения в большинстве случаев осуществляют в рамках одной профессиональной институции – органов исполнительной власти. В работе были выделены региональные правительства со схожими гендерными характеристиками (относительного гендерного паритета и относительного гендерного дисбаланса). В ходе исследования выявлено, что в приграничных и экономически успешных регионах формируются более феминизированные правительства, а режим гендерного дисбаланса в правительстве чаще всего характерен для экономически зависимых регионов и тех, что расположены на юге РФ (за некоторым исключением).

Ключевые слова: гендер, женщина, мужчина, административная элита, власть, российский регион, феминизация власти, рекрутирование, карьерные траектории

© Колесник Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Колесник Н.В. «Хрупкое представительство», или Женщины в большой политике: случай административной элиты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 107–119. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

“Fragile representation” or Women in Big Politics: The Case of the Administrative Elite

Natalya V. Kolesnik

Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ n.kolesnik@socinst.ru

Abstract. The research of the “feminization” of administrative politics is important to understand the transformation of power and the overall development of the Russian society amidst political, economic and social instability. This article presents the study results for the administrative elite in ten Russian regions (Moscow, St. Petersburg, Leningrad, Rostov, Kaliningrad, Kostroma and Novosibirsk Oblasts, Khabarovsk and Stavropol Krai, Republic of Dagestan). The analysis of the socio-demographic characteristics of the administrative elite showed no significant differences between men and women in terms of age, birthplace, as well as the type and the place where first (and subsequent) higher education was received. Studying the career trajectories of women in the ministerial elite showed that they most often occupy elite positions, like men, in middle age, but less often come from economic and security structures; horizontal and vertical movements mostly take place within the same professional institution – executive power agencies. The author identified regional governments with similar gender specifics (relative gender parity and relative gender imbalance). The study revealed that more feminized governments are formed in bordering and economically successful regions, while gender imbalance is most characteristic for the governments of economically dependent regions and those located in the south of the Russian Federation (with some exceptions).

Keywords: gender, woman, man, administrative elite, power, Russian region, feminization of power, recruitment, career trajectories

For citation: Kolesnik, N.V. (2022). “Fragile representation” or women in big politics: The case of the administrative elite. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 107–119. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

Вводные замечания

Вопросы «феминизации» административной элиты оказываются крайне важными для понимания не только процесса трансформации власти, но и векторов развития российского общества в условиях нестабильности политического, экономического, социального порядков. В этой связи научную проблему представляет не только изучение процесса гендерной представленности в данном сегменте власти, но и прояснение самого концепта «административная элита». В научной литературе, как в зарубежной, так и в российской, существует некоторая тенденция к тому, чтобы не дифференцировать политический и административный (исполнительный) сегмент власти. Почему так происходит?

На эту проблему обращает внимание итальянский ученый Л. Верзичелли, который отмечает, что в науке существуют некоторые трудности с дефинициями «политическая» и «административная» элита. Так, по мнению исследователя, крайне сложно определиться с тем, кто такая административная элита. Трудности с наполнением данного сегмента власти связаны с тем, что может существовать один и тот же набор должностей, но при этом не учитываться национальный контекст и историческое время, которые неизбежно влияют на определение такой «узкой группы индивидов», как административная элита [Verzichelli 2018]. Не менее важной проблемой является вопрос о том, включать ли в пул административной элиты лиц, которые участвуют в процессе принятия решений, но формально не занимают высшие позиции в административной власти (например, отдельные категории государственных служащих, советники и др.) [Verzichelli 2018:364].

В более поздний период изучения административной элиты получают распространение работы, в которых основной фокус сосредоточен на том, как измерить значимость каждого министерского поста, выявить границы исполнительной власти [Druckmann, Warwick 2005]. Особое звучание в дискуссии по «министерской элите» получили такие вопросы для исследований, как измерение парламентского опыта и партийной принадлежности министров, особенности конституционного устройства страны и его влияния на формирование кабинета министров. Если исследователь Д. Брайт [Bright, Doering, Little 2015] анализирует факторы, которые определяют и влияют на министерские карьеры, то ученый К. Пинто и его коллеги [Costa Pinto, Cotta, Tavares de Almeida 2017] в своей работе рассматривают такой феномен, как министры-технократы.

Что же касается процесса феминизации административной элиты, то как в зарубежных, так и российских исследованиях данная проблема слабо артикулирована [см. Айвазова 2012; Овчарова 2007; Попова 2013; Тартаковская 2015; Тартаковская 2017; Хасбулатова 2014; Escobar-Lemmon, Taylor-Robinson 2005; Krook, O'Brien 2012; Whitford, Wilkins, Ball 2007]. По мнению С. Энсли, в имеющихся работах основное внимание уделяется анализу факторов, которые влияют на доступность и возможности женщин занять высшие руководящие позиции в органах исполнительной власти. Отмечается, что демографические, социально-экономические, культурные и политические факторы на разных уровнях управления влияют на доступ женщин к власти. Выявлено, что существует корреляция между представленностью женщин на министерских должностях, феминизацией властных органов в стране и типом демократии [Annesley, Franceschet 2015]. Пристальное внимание в работах по вопросу феминизации властных структур уделяется гендерным квотам и значимости численного присутствия женщин во властных структурах, в том числе и в парламентах [Krook, O'Brien 2012]. Р. Бернард в соавторстве с коллегами, анализируя политические амбиции женщин-кандидатов на высокие властные позиции, заключают, что политические амбиции женщин-кандидатов варьируются в зависимости от состава домохозяйств и таких структурных

барьеров, как уровень дохода и источники дохода [Bernard, Davis, Teele 2021]. Именно политическая экономия семьи удерживает самых амбициозных женщин-кандидатов от выдвижения [Там же].

Отдельный пул эмпирических исследований по рекрутированию женщин на министерские позиции представляют кейсы тех стран, в политических режимах которых имеются сходные черты с российскими реалиями. Так, исследование М. Эскобар-Леммон и М. Тейлор-Робинсон о правительствах стран Латинской Америки показало, что степень вовлеченности женщин в процесс принятия решений и получение ими министерских портфелей на национальном уровне связаны со степенью демократизации страны и типом управления (парламентская/президентская) [Escobar-Lemmon, Taylor-Robinson 2005]. Не выявлена положительная корреляция с количеством женщин в правительстве и в парламенте страны с политической идеологией (левый/правый и др.) президента, находящегося у власти. Более того, увеличение числа женщин на высоких позициях в правительственных органах Латинской Америки не связано с их уровнем образования и опытом работы [Escobar-Lemmon, Taylor-Robinson 2005:840]. По мнению авторов исследования, женщины все чаще рекрутируются на министерские позиции в странах Латинской Америки, и в первую очередь это объясняется ростом политических издержек в случае их исключения из власти и увеличением для президента страны политических выгод в случае их назначения¹.

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики административной элиты

В основе данного исследования лежит анализ эмпирических данных по административной элите десяти российских регионов (Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская и Новосибирская области, Хабаровский и Ставропольский край, Республика Дагестан). Административная элита регионов представлена губернаторами (главы региона), вице-губернаторами (заместителями), министрами, руководителями комитетов, департаментов, управлений (всего 464 персоны). Биографические сведения были собраны в 2020–2021 гг. через открытые источники информации: официальные сайты органов региональной исполнительной власти, интервью с представителями региональной элиты в СМИ, персональные страницы в социальных сетях представителей элиты. Далее систематизированные биографические данные были обработаны через SPSS.

¹ По мнению исследователей, в 2003 г. женщины составляли в среднем 18% от общего числа председателей (глав) правительства стран Латинской Америки, однако занимали высокие посты в министерствах лишь в шести из 18 стран. Женщины представлены в кабинетах министров и на других значимых властных позициях в Чили, Колумбии, Коста-Рике, Доминиканской Республике, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа и Венесуэле.

С целью анализа полученных данных были сформированы следующие переменные: социально-демографическая (возраст, пол, место и год рождения), образовательная (место получения и тип образования, наличие первого, второго и последующего высшего образования, ученой степени кандидата, доктора наук, и по какой специальности). В число переменных были включены также сведения о профессиональной карьере, в которую вошли данные о предэлитной работе, о предшествующей элитной должностной позиции, до того, как персона заняла первую, вторую или иную элитную должность, номер элитной должности. При обработке данных учитывался также номенклатурный и депутатский опыт, работа в структурах органов власти, силовых, экономических институциях в различные периоды.

Прежде всего проанализируем общие социально-демографические характеристики административной элиты десяти исследуемых регионов. Если оценивать полученные данные в количественном выражении, то заметно, что в среднем на всех высших административных позициях наблюдается «мужское доминирование», когда мужчины занимают большинство высших позиций в региональных правительствах (83%) и только 17% женщин. Как среди мужчин, так и среди женщин преобладающей возрастной когортой является группа тех, кому 41–50 лет (каждый третий в административной элите). Среди представителей административной элиты немало тех, кого относят к молодежи (31–40 лет): молодых мужчин (11,8%) и молодых женщин (10%) примерно одинаковое количество. В административной элите десяти регионов среди мужчин и женщин, представителей среднего и старшего поколений (после 50 лет), также не выявлено существенных различий. Анализ данных по возрастным когортам показывает, что в административном сегменте региональной элиты наблюдается гендерный паритет. Однако мужчины чаще занимают предэлитную должность в молодом и среднем возрасте, чем женщины (58% мужчин и 47% женщин в возрасте 22–40 лет), что в первую очередь объясняется тем, что в это время женщины вступают в брак, повышают свой образовательный статус. Женщина занимает свою первую предэлитную позицию в 26 лет, а у мужчин это происходит на пять лет раньше (в 21 год). В возрастной период с 26–29 лет у женщин наблюдается спад и после 29 лет женщины вновь начинают свои карьерные перемещения и уже чаще занимают предэлитные позиции. Определены и активные пики в возрастных флуктуациях женщин. Первый пик приходится на возраст 31–32 года (9,1%), далее наблюдается спад и второй пик связан с более поздним периодом – в 37–38 лет (14,5%). Таким образом, важными возрастными точками в предэлитных перемещениях у женщин является возраст 26 лет, 31–32 года и 37–38 лет.

Полученные данные позволяют выявить, что существенных различий в уровне образования между мужчинами и женщинами внутри административной элиты десяти российских регионов не наблюдается. В большинстве случаев административная элита во всех исследуемых регионах имеет высокий образовательный статус: более половины (54%) имеют второе высшее

образование и у каждого четвертого имеется ученая степень. Если рассматривать образовательный уровень в разрезе полученных специальностей, то здесь все же выявлены некоторые различия между мужчинами и женщинами. В большинстве своем мужчины имеют высшее техническое образование – 32%, далее идет экономическое – 15%, юридическое (14%) и военное образование (13%). Среди женщин преобладают специалисты с дипломами юристов (29%) и экономистов (28%), а также гуманитарии (20%)². Следует отметить, что данные, которые были получены в 2020 г. по политической элите (депутатскому корпусу) исследуемых регионов, показали, что в части образования депутаты имеют примерно такие же характеристики в своем образовательном профиле, что и представители административной элиты.

Карьерные траектории

Эмпирические данные по административной элите десяти российских регионов позволяют определить начало, ключевые моменты и точки перехода в профессиональных карьерах представителей административной элиты. Анализ биографий министров, глав регионов (губернаторов), их заместителей показывает, что наблюдается гендерный баланс при вхождении на высокую должность в зависимости от возраста среди мужчин и женщин. Впервые как мужчины, так и женщины в большинстве случаев занимают высшую элитную позицию уже в среднем возрасте – 41–60 лет.

Структурирующее влияние на планирование профессиональной карьеры оказывают те институции, в которых в разные жизненные периоды заняты представители региональной элиты. Биографические данные показывают, что чаще всего «предэлитная» позиция как у женщин, так и у мужчин связана с низшей или средней позицией в районной администрации (63% мужчин и 84% женщин). Второй по значимости среди предэлитных позиций является позиция, связанная с руководством экономической структуры: 18% мужчин занимали эту позицию до высокого правительственного поста и только 7% женщин. Заметно, что женщины реже имеют опыт работы в экономических структурах, тогда как каждый пятый мужчина-министр является не просто выходцем из этих структур, но еще и занимал в этих структурах высшие позиции.

Полученные данные показывают, что для мужчин важным каналом рекрутирования являются не только экономические структуры, но и силовые органы (7%), тогда как для женщин этот канал вообще оказался несущественным. Мужчины на правительственные позиции в исследуемых регионах чаще всего приходят из таких силовых структур, как МВД, армия³, ФСБ. При этом

² Технический крен в образовании среди мужчин объясняется в первую очередь возрастом представителей административной элиты. Н.А. Николаев, изучавший специфику советского образования, преобладание у элиты дипломов технического образования объясняют политическими, экономическими процессами, которые развернулись еще в СССР.

³ В российской армии служит 41 тыс. женщин (всего в армии насчитывается 793,5 тыс. военнослужащих). Лента.ру. 11 июля 2019 г. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/11/policewoman/> (дата обращения: 05.06.2021).

следует отметить, что только в структуре МВД РФ (всего трудоустроено около 900 000 человек) каждая третья позиция занята женщиной⁴.

Административный сегмент элиты изучаемых регионов в части карьерных траекторий в целом по своим характеристикам отличается от политической элиты. Наше исследование 2020 г. по депутатскому корпусу этих же регионов показало, что в региональные парламенты женщины чаще всего приходят из социальной сферы (28%), 20% женщин и 49% мужчин рекрутируются из экономических структур [Колесник 2021]. Для женщин карьера в политических структурах (парламенте) чаще всего определяется как пример горизонтального перемещения из одной (часто властной) институции в другую, например, случай, когда глава администрации получает депутатский мандат. В административной же элите женщины часто демонстрируют иные карьерные траектории, основанные на принципах вертикального перемещения, когда в действительности осуществляется вертикальная мобильность и происходит изменение профессионального статуса. Не случайно среди действующих региональных министров большинство из них (64% мужчин и 84% женщин) в разные годы занимали предэлитную позицию именно в органах исполнительной власти (позиция работника районной, областной администрации низшего или среднего звена).

Важной переменной для понимания степени профессионализации административной элиты оказывается индикатор «номер элитной должности в биографии», по которому определяется степень обновляемости административной элиты в российских регионах. Например, полученные данные позволяют нам определить, что 63% мужчин впервые заняли позицию в региональном правительстве, среди женщин таких – 70%. Обращает на себя внимание и тот факт, что примерно одинаковое число мужчин и женщин (21 и 23% соответственно) до прихода на министерский пост уже занимали элитную должность. В этом случае наблюдается горизонтальное перемещение внутри элитной общности, которое является важной характеристикой при рассмотрении процесса функционирования элиты.

В ходе исследования определено, что женщины нередко занимают элитные позиции до их попадания в региональный «министерский пул», но мужчины преобладают среди тех, для кого пребывание на министерской позиции оказывается третьей и четвертой элитной должностью в их послужном списке. В целом это означает, что приток новых министров на фоне самозакрытия региональной элиты крайне ограничен, и еще меньше возможностей занять высшую позицию в правительстве имеют женщины. Важно отметить, что 37% мужчин из правительственной элиты до этого занимали другие элитные позиции и чаще всего работали в структурах исполнительной власти, тогда как среди женщин горизонтальное перемещение с одной элитной позиции на другую происходит реже (у каждой третьей).

⁴ Названа доля женщин в МВД. Лента.ру. 11 июля 2019 г. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/11/policewoman/> (дата обращения: 05.06.2021).

Таким образом, определяя характеристики министерской элиты с точки зрения гендерной представленности, следует отметить, что административный сегмент региональной элиты оказывается более обновляемым, чем политический, и дает множественные примеры вертикальной социальной мобильности как для мужчин, так и для женщин. Более половины мужчин и 70% женщин впервые заняли пост министра в региональном правительстве. При этом приток женских кадров из других институций практически не фиксируется, что означает, что женщины-министры выстраивают карьеру в рамках властных институций (и чаще всего в органах исполнительной власти). 66% мужчин-министров также попадают в министерский пул региона из политико-административных структур, 26% до занятия элитной позиции в региональном правительстве занимались хозяйственно-экономической деятельностью (женщин только 13%) и 6% работали в силовых структурах. В отличие от европейской ситуации партийные, политические и гражданские структуры в РФ не являются основными каналами для рекрутирования женщин и мужчин на высшие властные позиции [Чирикова, Лапина 2009:71–72]⁵.

Существуют ли гендерные различия в региональных правительствах?

При оценке гендерных диспропорций в региональных правительствах следует отметить, что самыми феминизированными правительствами из исследованных нами регионов являются правительственная элита Калининградской области (21% женщин), Москвы (14% женщин), Ленинградской области и Хабаровского края (13 и 11% женщин), в которых наблюдается относительный гендерный паритет⁵. Во вторую группу вошли регионы с менее феминизированной правительственной элитой и определяемые по типу правительств с гендерным дисбалансом. Так, одинаковое количество женщин зафиксировано в правительствах Санкт-Петербурга и Республики Дагестан, Костромской области (по 8%), в Ростовской, Новосибирской области и Ставропольском крае по 6% в министерской элите каждого региона.

Для прояснения выявленных гендерных различий в правительствах регионов обратимся к анализу внутренних характеристик. Полученные данные показывают, что в первую группу регионов с феминизированными правительствами вошли в большинстве случаев территории (за исключением Москвы), имеющие давние границы с зарубежными государствами [Ангапова 2014]⁶. Все три региона (Калининградская, Ленинградская области и Хабаровский край) дают примеры относительно гендерного баланса в составе регионального министерства. Возникает вопрос о том, каковы социально-экономические

⁵ В зарубежных эмпирических исследованиях, в которых анализируются политическая и гражданская активность, показано, что мужчины в большей степени выбирают политическую активность, тогда как женщины гражданскую [Albanesi, Zani, Cicognani 2012].

⁶ А.Г. Гранберг различает критерий давности границ и выделяет регионы со старыми и новыми границами. К приграничным регионам со старыми границами (до распада СССР) относятся 18 субъектов РФ.

характеристики этих российских регионов и имеют ли они отличительные особенности?

Исследование И.В. Задорина, посвященное регионам «рубезжа», показывает, что, например, Калининградская область отличается высокой долей приезжих из других регионов, имеет эксклавный статус, геополитически и экономически зависима от центра [Задорин 2018:114]. Кроме того, в этом регионе высока трансграничная мобильность и для жителей характерна открытость к культурному обмену. В рейтинге качества жизни среди российских регионов Калининградская область в 2020 г. занимала 10-е место, Ленинградская область – 7-е. Среди дальневосточных регионов Хабаровский край также имеет прочные позиции по качеству жизни и занимает второе место в рейтинге ДВФО и 30-е место в общероссийском рейтинге⁷.

Что касается другой группы регионов, которые оказались схожими в низкой представленности женщин в министерской элите, то эти регионы не имеют давнего приграничного статуса и для них характерен различный уровень экономического развития. Так, Костромская область не отличается высоким уровнем экономического развития, и по качеству жизни эта область из всех исследуемых нами регионов занимает самые низкие позиции (67-е место), пропуская вперед Республику Дагестан (56-е), Санкт-Петербург (2-е), Ростовскую (17-е) и Новосибирскую области (22-е). Тем не менее по своему составу костромское правительство с точки зрения представленности женщин и мужчин характеризуется сильным доминированием последних.

Таким образом, введенные дополнительные характеристики регионов показывают, что регионы с феминизированными правительствами не только имеют приграничный статус, но и часто занимают устойчивые позиции по экономическим позициям, качеству жизни. Группа регионов с менее феминизированными правительствами по уровню экономического развития и качеству жизни оказалась не столь однородной: в этой группе представлены как регионы-лидеры, так и регионы-аутсайдеры. В этой связи для прояснения подобной ситуации необходимо вводить другие переменные с целью объяснения существующих эмпирических разбросов.

В целом же в большинстве исследованных регионов в административной элите наблюдается гендерная диспропорция. Подобные практики являются отражением той исторической ситуации, которая формировалась на протяжении последнего столетия в России, когда в сложившейся системе властвования мужчины тотально доминировали на высших позициях. Если обратиться к данным советского и начала постсоветского периодов, то заметно, что в послевоенном СССР намечается возврат к минимальному представительству женщин в высших органах власти: в советский период среди министров на долю женщин приходилось 0,5%, а среди 38 министров последнего правительства СССР работала только одна женщина [Беляева 2008:154].

⁷ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2020. М.: 2021. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2020.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

Ситуация с гендерным неравенством не изменилась и в более поздний период, по-прежнему на высших позициях в органах исполнительной власти крайне мало женщин. Так, в российском правительстве в 2019 г. было только две женщины в статусе вице-премьера (Т. Голикова и О. Голодец), две женщины-министра, среди заместителей федеральных министров женщин – 23 (мужчин – 130). В новом правительстве М. Мишустина – одна женщина возглавила министерство и две стали вице-премьерами. При этом важно отметить, что 72% российских государственных служащих – женщины⁸.

Заключение

Анализ данных по десяти российским регионам показал, что в целом в административной элите наблюдается абсолютное доминирование мужчин, когда они занимают большинство высших позиций в региональных правительствах (83%). При анализе социально-демографических характеристик административной элиты существенных различий в возрасте, уровне образования, времени занятия элитной позиции между мужчинами и женщинами не наблюдается. В большинстве своем представители административной элиты во всех исследуемых регионах имеют высокий образовательный статус, более половины имеют второе высшее образование и у каждого четвертого имеется ученая степень кандидата наук.

Сравнивая карьерные траектории женщин и мужчин внутри административной элиты десяти российских регионов, следует отметить, что впервые свои элитные позиции мужчины и женщины занимают в среднем возрасте 41–60 лет. В молодой когорте административной элиты женщин оказывается в шесть раз меньше, чем мужчин. Самыми распространенными каналами для рекрутирования в административную элиту среди мужчин оказались административные (органы власти), экономические и силовые структуры, далее идут политические структуры (позиция депутата). На этом фоне преобладание администраторов среди женщин-министров не кажется удивительным ввиду того, что чаще всего профессиональная социализация женщин происходит в рамках исполнительных органов власти. При этом среди женщин-министров в исследуемых нами регионах имеются случаи «аномальных карьер», когда происходит стремительное восхождение на министерский пост и наблюдается ускоренная социальная мобильность. Важно отметить, что треть мужчин из правительственной элиты уже до этого занимали другие высшие позиции, тогда как среди женщин горизонтальное элитное перемещение с одной элитной позиции на другую происходит гораздо реже. На фоне политической элиты (депутаты) этих же регионов административная элита обновляется чаще, что обуславливает приток новых административных кадров в российские регионы.

⁸ Минтруд сообщил о феминизации госслужбы в России. РБК. 17 октября 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/10/2019/5da85ea39a794720327a6bd7> (дата обращения: 17.09.2021).

В ходе проведенного исследования выявлены гендерные различия в региональных правительствах. Правительства с различными гендерными характеристиками (относительного гендерного паритета и относительного гендерного дисбаланса) позволяют предположить, что для приграничных (регионы, имеющие давние границы) и экономически успешных регионов чаще всего характерен режим гендерного паритета в правительстве. Во вторую группу вошли регионы с менее феминизированной правительственной элитой, менее экономически развитые (за исключением Санкт-Петербурга) и чаще всего расположенные на юге России.

Поступила в редакцию / Received: 01.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 14.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Айвазова С.Г.* Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 3. С. 3–11.
- Ангапова О.Б.* Классификация приграничных регионов Российской Федерации // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 2. С. 76–80.
- Беляева Г.Ф.* Политическая активность женщин // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 1. С. 143–164.
- Задорин И.В.* Регионы «Рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // *Полития*. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
- Колесник Н.В.* Гендерное (не) равенство в политической власти российских регионов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 468–491.
- Николаев А.Н.* Становление технократической элиты в России: историко-социологические аспекты. Саратов: Изд. центр Саратовской гос. экономической академии, 1995.
- Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия в сфере политики: поиски институционального решения проблемы // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2007. № 5 (57). С. 214–219.
- Попова О.В.* Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 21–30.
- Тартаковская И.Н.* Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интрасекторного анализа // *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 84–93.
- Тартаковская И.Н.* Женственность прекарности // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2017. № 14. С. 45–53.
- Хасбулатова О.А.* Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 3–10.
- Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю.* Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт // *ИНАБ № 3*. М.: Институт социологии РАН, 2009.
- Albanesi C., Zani B., Cicognani E.* Youth civic and political participation through the lens of gender: The Italian case // *Human Affairs*. 2012. Volume 22 (3). P. 360–374.
- Annesley C., Franceschet S.* Gender and the executive branch // *Politics & Gender*. 2015. № 11. P. 613–617.
- Bernard R., Davis S.S., Teele D.L.* To Emerge? Breadwinning, motherhood and women's decisions to run for office // *American Political Science Review*. 2021. № 115, 2. P. 379–394.
- Bright J., Doering H., Little C.* Ministerial importance and survival in government. Tough at the top? // *West European Politics*. 2015. № 38 (3). P. 441–464.

- Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds.). *Technocratic ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave, 2017.
- Druckmann J.N., Warwick P.V. The missing piece: measuring portfolio salience in western European democracies // *European Journal of Political Research*. 2005. № 44 (1). P. 7–42.
- Escobar-Lemmon M., Taylor-Robinson M. Women ministers in Latin American government: when, where, and why? // *American Journal of Political Science*. 2005. № 49 (4). P. 829–844.
- Gender, politics and institutions: toward a feminist institutionalism / Krook M.L., Mackay F. (eds.). Basingstoke: Palgrave, 2011.
- Krook M.L., O'Brien D.Z. All the president's men? The appointment of female cabinet ministers worldwide // *Journal of Politics*. 2012. № 74 (3). P. 840–855.
- Verzichelli L. Executive elites // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / Heinrich Best, John Higley (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 363–380.
- Whitford A., Wilkins V., Ball M.G. Descriptive representation and policymaking authority: evidence from women in cabinets and bureaucracies // *Governance*. 2007. № 20 (4). P. 559–80.

References

- Aivazova, S.G. (2012). Gender characteristics of the political behavior of Russians in the context of the electoral cycle of the parliamentary and presidential elections of 2011–2012. *Woman in Russian society*, 3, 3–11. (In Russian).
- Albanesi, C., Zani, B., & Cicognani, E. (2012). Youth civic and political participation through the lens of gender: The Italian case. *Human Affairs*, 22(3), 360–374.
- Angapova, O.B. (2014). Classification of border regions of the Russian Federation. *Bulletin of Buryat State University*, 2, 76–80. (In Russian).
- Annesley, C., & Franceschet, S. (2015). Gender and the executive branch. *Politics & Gender*, 11, 613–617.
- Belyaeva, G.F. (2008). Political activity of women. *Issues of state and municipal administration*, 1, 143–164. (In Russian).
- Bernard, R., Davis, S.S., & Teele, D.L. (2021). To Emerge? Breadwinning, motherhood and women's decisions to run for office. *American Political Science Review*, 115(2), 379–394.
- Bright, J., Doering, H., & Little, C. (2015). Ministerial importance and survival in government. Tough at the top? *West European Politics*, 38(3), 441–464.
- Chirikova, A.E., & Lapina, N.Yu. (2009). Woman on the highest floors of government. Russian practices and French experience. *INAB*, 3. M. Institute of Sociology, RAS. (In Russian).
- Costa Pinto, A., Cotta, M., & Tavares de Almeida, P. (Eds.). (2017). *Technocratic ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave.
- Druckmann, J.N., & Warwick, P.V. (2005). The missing piece: measuring portfolio salience in western European democracies. *European Journal of Political Research*, 44(1), 7–42.
- Escobar-Lemmon, M., & Taylor-Robinson, M. (2005). Women ministers in Latin American government: when, where, and why? *American Journal of Political Science*, 49(4), 829–844.
- Khasbulatova, O.A. (2014). Gender approach as a technology to improve the effectiveness of personnel policy. *Woman in Russian society*, 4, 3–10. (In Russian).
- Kolesnik, N.V. (2021). Gender (not) equality in the political power of the Russian regions. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4, 468–491. (In Russian).
- Krook, M.L., & Mackay, F. (Eds.). (2011). *Gender, politics and institutions: toward a feminist institutionalism*. Basingstoke: Palgrave.
- Krook, M.L., & O'Brien, D.Z. (2012). All the president's men? The appointment of female cabinet ministers worldwide. *Journal of Politics*, 74(3), 840–855.
- Nikolaev, A.N. (1995). The formation of the technocratic elite in Russia: historical and sociological aspects. Saratov: Ed. center of the Saratov State Academy of Economics, 166 p. (In Russian).
- Ovcharova, O.G. (2007). Gender asymmetry in politics: the search for an institutional solution to the problem. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 5(57), 214–219. (In Russian).

- Popova, O.V. (2013). Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: opinions of experts. *Woman in Russian society*, 3, 21–30. (In Russian).
- Tartakovskaya, I.N. (2015). Reproduction of gender order through career strategies: an attempt at intersectional analysis. *Sociological research*, 5, 84–93. (In Russian).
- Tartakovskaya, I.N. (2017). Femininity of precarity. *Interaction. Interview. Interpretation*, 14, 45–53. (In Russian).
- Verzichelli, L. (2018). Executive Elites. In H. Best & J. Higley (Eds.), *The Palgrave Handbook of Political Elites* (pp. 363–380). London: Palgrave Macmillan.
- Whitford, A., Wilkins V., & Ball, M.G. (2007). Descriptive representation and policymaking authority: evidence from women in cabinets and bureaucracies. *Governance*, 20(4), 559–580.
- Zadorin, I.V. (2018). Regions of the frontier: territorial identity and perception of “special”. *Politics*, 2(89), 102–136. (In Russian).

Сведения об авторе:

Колесник Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (e-mail: n.kolesnik@socinst.ru) (ORCID: 0000-0003-2323-6799)

About the author:

Natalya V. Kolesnik – PhD in Sociology, Senior Research Fellow of the Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS) (e-mail: n.kolesnik@socinst.ru) (ORCID: 0000-0003-2323-6799)